

ЭТА ВЕСЕННЯЯ СТРАНИЦА — О ЖЕНЩИНАХ. И АВТОРЫ ЕЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЖЕНЩИНЫ, ТАКОЙ АКЦЕНТ НЕ СЛУЧАЕН. КОМУ, КАК НЕ ИМ, ПОСВЯЩАТЬ ВОСЬМОГО МАРТА САМЫЕ ТЕПЛЫЕ, НЕЖНЫЕ, ВОСТОРЖЕННЫЕ СТРОКИ...

НОВОЕ ИМЯ:

ТАТЬЯНА ШМАЛКО

МАМЕ

Прости меня, последний раз прости
За то, что осень на дворе и сырость,
Пусть неустанно падают дожди —
Тебе весна еще не отослилась,
От горьких бед меня ты берегла,
В твоей дороге все мое начало,
И сколько раз с надеждою ждала,
И сколько раз с твоего встречала...
Из прями под черной краской седину,
Ведь мудрости своей не скроешь, мама,
Я вижу в этом лишь свою вину,
Что ты сейчас совсем седою стала.

Теперь уже никак мне не спасти
Твои надежды и твои утраты.
И я шепчу: «Любимая, прости,
Я пред тобой во многом виновата».

Поле васильковое,
Светлое,
Рощица ивовая
Темная.
Память мне услужлив
Щедрая
Все несчастья разом
Припомята.

Как слова хорошие —
С горсточку.
Как слова плохие —
Так глыбою.
Беспредельной грусти
Веревочка
Окрутила сердца
Обидю.
Напорочил ветер
Недальное —
Будто век с любовью
Мне маяться.
Ходят в поле девушки
В радости.
Ходят в рощу бабоньки
Плакаться...

Александр АТОНЕН

Нарисую на чистом таежном снегу
Пароход и тебя на морском берегу.
Ты бежишь по шуршащей волне босиком.
Почему до сих пор в с тобой не завоком?
Разолью не скупясь небос — и голубой.
Подыму высоко-высоко пад тобой.
Разложу по песку золотые цветы,

Чтобы счастьем моим обернулась ты.
На гаубоком снегу у таежной реки
Нарисую два солца —
Глаза-васильки,
Снежей влагой росы чуть притронусь к губам, —
Я такую, как ты, никому не отдам.
Ты бежишь босиком по шуршащей волне,
Ты бежишь от меня, приближайся ко мне.

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

Сначала было письмо. «Уважаемые члены клуба «Северный огонек»! Хочу предложить вам идею. Объявите конкурс первого стихотворения, пусть на литстрианице публикуются стихи школьников, начинающих поэтов, ведь многие ребята пишут. Восьмиклассник Д. Береговин».
Мы приняли эту идею на вооружение. И приглашаем всех юнцов принять в нем участие. Итоги — в конце года. А сегодня на первой весенней страничке «Северного огонька» — первое конкурсное стихотворение.

ДИМА БЕРЕГОВИН

И новым класс, и жизнью другой,
И все скучны — на первый взгляд...
А может, наоборот — не знало,
в скучен — сам себе не рад
...проходят дни, знакомится,
и грусть моя сбирается
привычки, на меня теперь и взгляда не носят.

но временами старый класс так остро вспоминается — и выплывают в памяти черты других ребят;
теперь почти забыты, как книга, приоткрытая,
что я читал давным-давно — сто лет тому назад.

Н. ЗАБОЛОТНЕВА.

Его бесценное тепло
Своим потоком передаете.
И каждой клочковой выпалте
Его бесценное тепло.
Дыханье женщин-матерей
Колышет колыбель планеты.
И льется песней недрогшей
Дыханье женщин-матерей.
Людского рода на земле
В зем бесконечное полеенье.
И вечно, ты, вечность продолжена
Людского рода на земле.

ОДА МАТЕРИ

Восмотритесь в лица матерей,
В их воплощенную их святость —
Отсутствует зло, обман, предвзятость.
Восмотритесь в лица матерей.
Коснитесь материнских рук,
Губами хоть на миг коснитесь,
Как прикасались, исцелялись.
Коснитесь материнских рук,
Принимте материнский дар —
Любовь, немую, человеческую.
Скопное время быстротечно.
Принимте материнский дар.

В ДЕРЕВНЕ такого торжестве еще не бывало.
Были собрания, митинги, художественные вечера, приезжали артисты из самой Москвы — стоял в то время старый клуб с холодным залом, уставленным длинными некрашеными скамьями. Проводы за несклю были впервые.
И хотя с самого утра солнце уютно в серой тристине туч, слотнувших блеклую осеннюю голубизну, и зачастую мелкий, вьедявший дождь, вечером в Дома культуры дверь не закрывалась ни на минуту.

Люди еще на привыкли к просторности зала, к большой сцене с голубым бархатным занавесом, к креслам, нумерованным, как в городском кинотеатре, заходя шумно, стараясь занять место получше.
Ведливо, обаяюще просаживались струйки табачного дыма. Это по старинке, невзирая на запреты, кое-кто из мужиков дымил в кулак. Напряжене в зале нарастало.

— Кого ждут?
— Доярок еще нет.
В аэстибюле послышался смех, говор...
— Идут, идут!

Все оживленно заглядывалась. Доярки, смущенные всеобщим вниманием, усаживались в первых рядах.

Выновившая торжества Клавдия Морозова, невысокая, возможно, впервые в жизни необычно нарядная и от этого какая-то незнакомая, в вышнем кримле и о о м платье, ладно облегавшем ее располневшую фигуру, с кирпичным румянцем на смуглом лице, с черными небольшими глазами, с седеющей косою, уложенной по старинке высокой короной, казалась очень молодой. И только морщинки у глаз и руки с выбухшими венами в глубоких трещинах, землисто-темные, опаленные солнцем и морозами, выдавали возраст этой женщины.

Она села рядом со своими подругами, но ей зашептали:
— Ты, Степановна, не сцену проходи...
Она смущенно замолгла головой.

— Ой, неловко, я лучше тут, с девочками.
На сцену вышел председатель Дмитрий Яковлевич. Сразу смолкли разговоры, смех.

— Товарищи, сегодня, мы провожаем на пенсию нашу заслуженную труженицу Клавдию Степановну Морозову.
Зал зааплодировал.

1) ЕСТЬ вечер прошел для Клавдии как в тумане. Говорили много, искренне. Желали долгих лет жизни. Потом зазвучал Витка Лвгунти с партером Семенов Петровичем вынесли на сцену огромный телевизор. Все хлынули — цветной Клавдия вслакнула. Оркестр грянул туш.

...После окончания вечера все доярки пошли провожать Клавдию домой и, еще не оставшие о впечатлениях, шумно выражали свои чувства.
— Гляди, как расшевелилась, — стараясь не остуניתся, тараторила Марфа Еремьина — Надо же телевизор, да к тому же

цветной. Жаль, застолье не сделала, поди не обеднел бы колхоз!
— О чем вы, девки, час ко мне пойдете и застолье спроворим, — весело отозвалась Клавдия. Она все еще чувствовала на себе и соння глаз, и яркость света, и крепкие пожатия рук.

...В полупустой, словно осиротевшей Клавдиной избе доярки притяли, только сейчас поняв, что уезжает Клавдия всерьез, навсегда. И хотя хозяйка не поспешила на угощение, шустро ставила на стол в домашние соленья, и салаты, в из пещки перекочевало туда же аппетитное жаркое и заманчиво вздрагивал сновато-звонкий крутой холодец, а в тонком графине пискалась рябиновка, женщины вдруг приуныли, примолкли.

чудилось: что-то может случиться и задержать ее, а то и вовсе изменить решение. Или теплород не придет вовремя, или вдруг куда-нибудь запропастился билет. Поэтому она каждый день до ломоты в глазах вглядывалась в туманную блеклость реки, уходящей за крутой поворот, с нетерпением ловила звук, похожий на рик раненого зверя, и в успокаивалась только тогда, когда из-за поворота, сияя огнями, появлялся теплород.

— Пришел, слава богу, — шептала Клавдия и в сотый раз разглядывала аленоватый, шуршащий под ее пальцами билет.

Все хозяйство свое: пятидесятичного борозка; годовалую телку, десятка два кур в горласто пертуха Симку — она продала,

ПРОВОДЫ

— Чего это вы, девки, словно на поминках? — суетилась Клавдия. — Давай-ка за мою пенсую и за той уезды.

Марфа, разглядывая в рощке рябиновку, вдруг спросила:

— Может, ты бы не ехала, тетка Клавдия? А? Пенсия пенсией, бог с ней. А у нас, ты же знаешь, как на ферме. Группы то оголдели.

Доярки все обернулись к Клавдии, и она поняла, что между ними разговор уже был, в они только ждали удобного момента. Тревожная неутоимость вдруг захлестнула ее сердце от этих ойкающих глаз, чувствуя, что ее опора — только крайняя непримиримость, она сказала как можно категоричнее:

— Нет уж, девки, basta. Свое я отработала. Вуучку ничуть бауду.

Вон Витка телеграммами забросал: «еде, мама, скорее». Прошла жизнь... сроду кремом лицо не мазала, туфель не носила, в болотных погах расплуты, теперь поди только в тапках и смогу шлепать.

Самая молодая из доярок — Любава вдруг приснула в кулак:

— Ой, помру. Кремом не мазалась — И выкрикнула звонко, вызываяю:

— А по мне так и без крема лучше моей деревне вет уголка на земле! — Ты пожнн с мое, нотом скажешь, — обидчиво отозвалась Клавдия. — И уже словно оправдываясь, оглянулось на подрут. — Ведь авучкато жлет...

Марфа, коверкая вылок в грибах, буркнула:

— А оне-то-баре, тоже могли бы в деревих приехать, а то гляди-ко — цянька лужка. — Это лавка, мое дело, — уже сердясь, ответила Клавдия.

остался один пес Грома — лежал в будке, откатывался от еды и смотрел на хозяйку выжидательными укоряющими глазами.

— Пса-то моего заберите к себе, — попросила она Марфу, когда доярки засобирались уходить.

— Забере, не пропадать же собаке.
ГРОМА, уткнув нос в теплый бок, лежал в будке и тоскливо думал свою собакою думу. От Марфы он сбегал сразу же и трусливо прятался, когда она приходила и звала ласковым голосом:

— Грома, Грома! Он упорно ждал хозяйку. Она не могла не прийти — это он знал твердо. И его место тут, в ограде, хотя дом уютно смотрел заколоченными окнами, а на двери уже много дней и ночей висит замок.

Пес пошевелился в будке, укладываясь уютнее.

И вдруг что-то заставило его поднырять и насторожиться. Шаги... Он услышал шаги. Он мог уловить эти шаги среди тысячи шорохов, среди цолого моря звуков.

— Грома, Грома, — смеясь и плача, позволяла лгзать свое лицо, Клавдия обнимала лохматую голову собаки.

Как она встретится в людями, что расскажет, как примут они ее, она думала с той самой минуты, как сошла с теплорода. Но сейчас понимала: поймут и примут, ведь даже тот пес, которого она ночью не замечала, ждал, веря, что вернется.

Деревня просыпалась. Соиню перекликались петухи. Вздвывая собаки.

— Погодь, Грома! Я час, милый, только на ферму сбегу.

Т. ЦАРЕНКО.